

Галина Дашевская

метаморфозы

16+

Галина Викторовна Дашевская

Метаморфозы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55715630

SelfPub; 2020

Аннотация

"Эволюция души" – так можно определить замысел книги. Это аллегория, где человек в поисках абсолютной свободы проходит путь превращения из птицы в рыбу, ящерицу и, наконец, в кошку. К какому обретению смысла своих поисков придет человек, предстоит узнать читателю. Действие происходит в Крыму, и в тексте вы найдете красочные и точные описания растительного и животного мира, населяющих полуостров, окупнетесь в подводный мир Черного моря. Книга может восприниматься каждым читателем по-своему, и каждый может находить свой смысл. Реальность, переходящая в фантастику, делает сюжет увлекательным и интригующим. Рассчитана на широкий круг читателей.

МЕТАМОРФОЗЫ

Почему люди не летают так, как птицы? Этот вопрос, скорее не вопрос, а размышление, так как ответ я уже давно получила, привело меня к твердому намерению непременно осуществить давнюю мечту всего человечества. Конечно, для настоящего полета нужны крылья, перья, а их вот так, взять и отрастить, невозможно. То, что человек когда-то в цепочке эволюции был птицей, я не сомневаюсь. Снится же людям во сне, что они летают. Объяснение, что таким образом человек растет, совершенно не подходит. Мне до сих пор снится, что я лечу, взмахивая руками-крыльями, прикрываю глаза от встречного ветра, жадно хватаю недостающего мне воздуха. А ведь я давно вышла из периода роста, наоборот, скорее уменьшения своих показателей. Не знаю, может, другим снится, что они тигры или дельфины, а я все время ощущала себя птицей. Еще маленькой, спускаясь бегом с горы, мне казалось, что только стоит мне поджать ноги, и я полечу. Много раз я наблюдала за их полетом, их повадками, пытаюсь понять птичий язык. Тогда у меня не было ясного понимания, как осуществить свое намерение, но со временем я получала все новые знания и моя цель стала принимать конкретные очертания. Вот, что говорит наука: «Птицы являются социальными животными, которые общаются между собой при помощи визуальных и звуковых сигналов, и выполняют в ряде случаев общественные действия».

Многие способности и повадки птиц человек сохранил в своей человеческой жизни. Например, я знаю, что есть виды полигамные и моногамные, только птицы спариваются в пределах своего вида, а у нас все смешалось. Думаешь, что твой избранник лебедь, на крайний случай, пеликан или воробей, а он – бац! – и дрозд обыкновенный, у него самок этих в каждом городе по две штуки. Есть виды, где оба родителя принимают участие в постройке гнезда, вскармливании и даже высиживания, а есть и такие, где все делает только самка: она и рожает, и кормит, и растит, все одна, и даже алиментов не получает. Есть, конечно, отличия и расхождения, но это скорее от испорченности человеческой натуры. Если птицы начинают усиленно размножаться, когда появляется много корма, то у людей, наоборот, чем больше достаток, тем меньше детей.

Стал человек мясо жарить, стал много думать и придумал себе оружие, колесо, порох и понеслось, все ему мало, жадным стал. Впрочем, это лишь небольшое отступление для демонстрации правильности моих размышлений. Мысль о полете крепко засела в моей голове. Нужно было хорошо подготовиться, отработать навыки. Начала сбрасывать вес и постепенно пришла к оптимальному. Отрабатывала навыки во сне, пытаясь закрепить мышечную память. Пользуются же такими приемами для изучения иностранных языков, почему бы и не расширить область применения.

Удивительно, что при всей моей тяге к полету я испыты-

ваю жуткий страх высоты. Если в фильмах были эпизоды, где герои спокойно стоят на карнизах или ходят по краю пропасти, я отворачивалась, как-будто кто-то невидимый звал меня броситься вниз. Помню, однажды была в гостях у сотрудницы, которая получила квартиру на одиннадцатом этаже двенадцатиэтажного дома, и мне, всю жизнь прожившей в пятиэтажке, было жутковато. Когда я подошла к перилам ее новой лоджии, моя голова закружилась, в глазах потемнело, и я, опустившись на корточки, перебралась обратно в комнату. Смотреть на гостей, стоящих, курящих, весело болтающих и при этом почти наполовину свесившихся за перила, было выше моих сил. Настроение сильно испортилось и, если бы не доза алкоголя для храбрости, я бы сразу уехала. Думаю, это связано с тем, что меня влекло оторваться от опоры и лететь, а, может, просто слабый вестибулярный аппарат.

Все вопросы можно решить, если очень сильно захотеть, а желание мое со временем только крепло, вырисовывался план действий, к тому же, наконец, появилась настоящая свобода. Мне уже не надо было вить гнездо, высиживать яйца, кормить потомство. Птенцы выросли и летают самостоятельно. Из самцов мне попадались сплошь дрозды, но это только закалило мой характер, я научилась многому и трудностями меня не испугать. Поскольку с разбега мне было не взлететь, не набрать нужной скорости, перебирая своими большими ногами, а крыльев у меня еще не было, нужна была высокая точка и желателью у моря, чтобы использовать

потоки воздуха, идущие в разном направлении. Главное, начать парить, а дальше должны проявиться закрепленные навыки и, в конце концов, атаквистическая память тоже должна как-то проявиться.

Я выбрала Ай-Петри в Крыму. Во-первых, Крым я любила всегда, и, если уж погибать, то в красивом месте, во-вторых, это единственная гора, на которой я побывала, и она меня вполне устраивала, да еще с таким многозначительным названием. Что ни говори, а без божественного вмешательства в моем плане не обойтись. В-третьих, вот оно, море, плещется у подножия горы и нужно пролететь пару сотен метров и окажешься прямо над водой.

Выбор места был очевиден с самого начала, в момент, когда я впервые оказалась на Ай-Петри в составе вечно любопытствующих экскурсантов. Они безудержно фотографировались, делая улыбки на счет «чииз», скупали сборы травяных чаев от всех болезней и баночки с вареньем из кизила, роз и всего того, что щедро дарит крымская земля. Стоя на вершине, я сразу представила себя птицей, летящей над морем.

Самым сложным оказался мой психологический тренинг. Знаете, трудно видеть сны по плану, программировать подсознание с помощью самоустановки получалось не всегда. Понадобился целый год тренировок, чтобы я по своему желанию входила в состояние полета. Многие люди очень успешно живут чувствами другого человека, ощущают себя

то царями, то Наполеоном, то Понтием Пилатом. Называется раздвоением личности. Переживать человеческую жизнь, конечно, легче, это вам не птицей летать. А ведь единственное, что отличает птиц от других животных, это способность к полету. Нужно было совершить чудо, полететь, несмотря на скорость свободного падения, на отсутствие перьев и обтекаемого тела. Многие люди на протяжении всей истории человечества пытались летать с помощью различных приспособлений. Вспомним миф про Дедала и Икара. Все пытались чисто физически повторить строение крыла, и это им блестяще удалось, они создали совершенные летательные аппараты. Моей целью была МЕЧТА! Стать птицей, по сути, по естеству, стать ею изнутри, осуществить не осуществимое.

Прошло время моих тренировок, моего изучения справочников и энциклопедий, подготовка закончилась, как и все мои земные дела с долгами, счетами, распоряжениями. Разумеется, о моей затее никто не знал, иначе отправили бы меня в лечебное учреждение. День поездки был обозначен, билеты куплены, и, оглядывая себя в зеркало, я могла с удовлетворением отметить, что кое-что мне все-таки удалось. Тело, конечно, не стало обтекаемым, а ноги у меня от рождения коротковаты, но я заметно полегчала, нос вытянулся, глаза смотрят зорко. Вообще, на какую-нибудь олябку вполне дотягиваю. Кстати, в неволе птицы живут дольше и, чем крупнее вид, тем больший жизненный срок им отпущен. В моем возрасте я могла бы запросто быть кондором.

ПТИЦА

Крым встретил меня нелетной погодой, пришлось три дня просидеть в гостинице. Именно просидеть, город меня уже не интересовал, люди тоже, я сосредотачивалась на самом, может быть, главном в моей жизни. Человек не должен отказываться от своей мечты и выполнить свое предназначение. Иногда это начинаешь понимать только к концу жизни. Хочется лепить – лепи горшки, рисовать – рисуй, нет ничего смешного в том, что человек хочет воплотить свои мечты и не важно при этом, сколько ему лет. Еще говорят «мечта окрыляет» – это уж точно про меня.

Солнце, наконец, вступило полновластным хозяином в свои права. Вещи мне были не нужны. Только маленькая сумочка с билетом и деньгами на фуникулер. Время я практически не ощущала и подобно зомби, действовала, как автомат. Поднялась вместе со всеми, потом вышла на склон, где меня никто не мог видеть. Немного посидела на краю, сняла платье и, слегка оттолкнувшись от земли, устремилась ввысь. Высота 1234 метра над уровнем моря. Потоки воздуха крепко держали меня, не давая сорваться вниз, и – о, чудо! – я п а р л а. Тело мое стало сжиматься, а руки, наоборот, казалось, стали длиннее, глаза уже различали стайки серебристых рыбешек на поверхности. Зрелище незабываемое! Куда ни кинь глазом, всюду море, совсем рядом пролетают чайки,

недоуменно заглядывая мне в лицо. Я для них дирижабль, неизвестно, как и зачем, парящий вместе с ними. Как и тогда во сне, не хватало воздуха, делая судорожные глотки, я вдруг прокричала что-то гортанное, резкое. Неужели я птица?

Вдруг появился страшный голод, нужно было, не теряя высоты, сделать разворот и найти место для посадки, иначе и не скажешь. Слегка наклоняя и поднимая руки, удалось повернуться. Я не анализировала свои движения, они были интуитивными, естественными, мозг только констатировал повышение температуры тела, изменение дыхания, покалывание по всей коже. Я уже не думала, как мне стать птицей, я ею уже была. Обоняние почти исчезло, зато обострилось зрение, еще я стала различать крики других птиц. Непременно нужно было найти пищу, как говорится, «не поешь – не полетишь». Выбрала пустынный уголок берега и, с трудом удерживая тело в горизонтальном положении, с третьей попытки удалось присесть на небольшой уступ. Кое-как передвигаясь на занемевших коротких ножках, стала внимательно оглядываться. Вся та гадость, которая в былой жизни вызывала у меня отвращение, теперь рождала живой интерес. Насекомые, грызуны, пресмыкающиеся – все, что двигалось и ползало, ловко хваталось цепкими пальцами и ртом. Солнце садилось, как шипящий раскаленный шар, прямо в воду, розовые блики качались на волнах, словно множество чешуйчатых рыбок, море вытягивало натруженные волны на берег, но ни эти красоты, ни шум волн уже не интересова-

ли меня. Кое-как напивавшись, я искала укромное место для ночлега и, наконец, нашла его в небольшой расщелине среди камней и крымских сосен, что как альпинистки храбро карабкались по склонам. Это был не сон, скорее забытье, где я слышала то обрывки разговоров, человеческого смеха, то звук скребущегося жука и крики чаек. Завтра я буду вновь учиться летать, искать пропитание, слушать призывы своих сородичей.

Наутро я отметила, что тело мое покрылось легким пухом, а на руках появились жесткие бугорки, подобно росткам, пробивающимся сквозь асфальт, чтобы стать настоящими растениями. Через несколько дней я уже обзавелась красивыми перышками, руки больше стали походить на крылья птиц, и я могла уверенно взлетать и садиться на землю. Единственное, что доставляло немало хлопот, так это ежедневный уход за новым оперением. Железа, которая должна вырабатывать жир для смазки перьев еще окончательно не образовалась, и нужно было следить за тем, чтобы не намочить их. Еще я научилась выхватывать рыбу прямо из воды. Азарт рыбака во мне, видимо, был с рождения, и рыба мне нравилась гораздо больше, чем мыши или жуки.

Несколько раз ко мне подлетали крупные, с красивым разноцветным оперением, особи, кажется, самцы. Они вели себя довольно странно: пританцовывали, вытягивали шеи, издавали громкие, чередующиеся звуки. Мой голосовой аппарат так и не развился, но я и в другой жизни петь не умела, а

в образе птицы тем более. Хотя, если честно, некоторые виды ужасно противно разговаривают. Очень быстро эти самцы отходили, понимая, что потомства от меня не дожидаться, а баловством типа непродуктивного секса птицы не занимаются. И все-таки, в стаю меня приняли и даже оказывали помощь. Я наблюдала за ними изнутри и все больше понимала их. На охоту они летали стаями, у них были свои разведчики, охранники и вожаки. Какие-то вели оседлый образ жизни, а кто-то прилетал только на лето. Они селились и на каменистых склонах и на плоскогорьях, многие из них давно стали редкими. Круглый год на берегу моря можно встретить бакланов, чаек, нырков, пеганок. Особенно мне нравились бакланы, может, потому что они очень похожи на меня. Это большие, длиной до метра и весом до 3 кг птицы, с изогнутым клювом и черным хохолком, с белым полукольцом на голове. Непрестанно можно слышать их голос «коророро», «хорр», «ток-ток-ток-ток», а полет очень похож на мой, с частыми взмахами крыльев и коротким парением и только с разбега. У них тоже не развита копчиковая железа, поэтому приходится подолгу сушить на солнце подмокшие крылья. Они производят впечатление очень достойных и порядочных животных, очень привержены своей родине, в семье не отлынивают от обязанностей по строительству гнезда и выкармливанию потомства. Рядом как раз поселился один из них и очень, кажется, благосклонно отнесся ко мне.

Я уже говорила, что море меня влекло всегда, еще в той,

прошлой жизни мне нравилось погружаться в эту субстанцию, которая содержит кислород и водород, но не воздух, которая свободно протекает повсюду, и нет ее сильнее, хотя она может дробиться на мельчайшую пыль. В воде можно захлебнуться, она может убить, но без нее нет жизни. Мне нравилось жить у моря, две родные и близкие моей душе стихии давали мне и пищу, и отдых. Много раз наблюдала я, как скользят голые, бескрылые тела в толще воды, как виртуозно и быстро поворачивают они в разные стороны, то поднимаясь, то опускаясь.

Как-то несколько дней подряд небо хмурилось, часто шел дождь, сидеть в расщелине было утомительно и голодно, и я рискнула немного поохотиться. Моего соседа не было видно, видимо, он улегся отдыхать. Как назло, поднялись волны, рыба стала уходить на глубину, но азарт и голод гнали меня все дальше от берега. В тот момент, когда я увидела добычу и спустилась, чтобы схватить ее, огромная волна окатила меня сверху, и мои перья, недостаточно смазанные жиром, моментально намокли. Волны следовали одна за одной, море бушевало, силы покидали меня, и мое сразу отяжелевшее тело потащило меня вниз. Заглатывая соленую воду, я медленно стала погружаться.

РЫБА

Мои легкие заполнялись водой, почти бессознательно, со-

бирая последние силы, выныриваю за глотком воздуха. Так, то погружаясь, то поднимаясь на поверхность, начинаю приходить в себя. Кстати, есть рыбы, которые могут дышать, как через жабры, так и напрямую, через рот, заглатывая воздух над поверхностью. Мои крылья здесь совершенно бесполезны. Они костенеют и превращаются в твердые наросты на спине и животе, ноги слипаются и начинают усиленно толкать мое тело вперед. Свою эволюцию я проходила со сверхзвуковой скоростью. Возвращались вкус и обоняние, с потоками воды я улавливала запахи пищи и тех мест, где была недавно. Так и не научившись петь, я поняла, что это совершенно бесполезная способность. Вот улавливать ультразвук – совсем другое дело. Рыбы не такие уж безмолвные твари, сама слышала, как рыба – барабанщик умеет барабанить, а морской скат Кот так ухает, когда нажрется, что лучше не подплывать. Конечно, совсем даже ничего жить рыбой, плавать себе сколько хочешь, тут тебе и еда, и постель. Только лучше быть крупной рыбой, мелкую так и норовит кто-нибудь проглотить, всю жизнь приходится прятаться и дрожать. А еще не надо тебе ни шкафов, ни одежды, ни холодильника, ничего такого, без чего современные люди прожить не могут. Учатся много лет, чтобы потом все время работать, а все ради того, чтобы закупить себе шкафов, кучу барахла, разного железа, который освободит его от усилий, чтобы освободить время для занятий в спортзале, где придется эти усилия прилагать. Лучше в море плавать или по

небу летать, только очень это трудная, почти невыполнимая задача переучиваться, приспособливаться, менять привычки, характер, саму суть свою. И хотя люди достигли кое-каких успехов в этой области, например, становятся травоядными или хищниками, сбиваются в стаи и подчиняются вожаку, часто меняют окраску или делают ложные движения, чтобы скрыть свои намерения. Люди повторяют наши достижения в приспособляемости, но все-таки сильно отличаются от нас, ходят на двух ногах, умеют творить и создавать искусство.

Так я размышляла, плавая себе в теплой морской водичке, безмолвно втягивая в себя очередную порцию, легко перекусывая мелким планктоном. Тело мое еще было безобразно толстым, плавники недоразвитые, а хвост и вовсе какой-то жиденький получился. С завистью поглядывала я на быстро снующих деловитых селедок с их плоскими, отточенными телами, их томными глазами. Некое злорадство появлялось при мысли, что все они окажутся в бочке с рассолом, а потом их разделают под водочку с тонко нарезанным лучком, хотя, как знать, какая участь уготована мне самой. Может стану я редкой деликатесной рыбой, так сказать, на гурманов, и будут за мной охотиться целые лайнеры.

Теперь главными моими врагами стали эти зоркие ненасытные птицы. Не успеешь нырнуть вовремя в глубину и станешь лакомой добычей для бакланов и чаек. Крик их казался отвратительно резким, и сами они выглядели нелепо. Еще

недавно эти существа были объектом моих мечтаний, хотелось им подражать, но стоило изменить угол зрения и все перевернулось. Почаще меняйте угол зрения, господа!

Немного приглядевшись, стала я замечать, что жизненный цикл мой совершенно не изменился. Есть, спать, спасаться и размножаться – вот основа существования. От последнего я избавлена, но и не живут животные столько, состарился – изволь умирать. А как хотелось покоя! Думалось, что здесь, в безмолвной тишине не будут досаждают глупость и суета, но перед глазами все время сновали и толкались стаи хамсы и барабульки. Луфарь – просто какая-то пиранья, устраивает настоящую бойню и не оставляет никого в стае ставриды, уже сытая, надкусывает и бросает свою жертву. Не лучше ведут себя и пелаמידы, охотники хоть куда! А ведь, как красивы и грациозны, как быстро и ловко уходят они от опасности. Знаменитая, воспетая в песнях, кефаль будто крейсер бороздит воды Черного моря. Чтобы поймать ее, нужно большое умение и удача. Но что мне, полукровке, до них! Никогда не стать мне такой же красивой и быстрой, я – изгой-одиночка, плавающая на поверхности, подобно ржавому сухогрузу. Но все-таки я в море, я плыву.

Недавно подплывал ко мне морской окунь, весь красный, ершистый, уговаривал меня присоединиться к их собранию, только я мягко отказалась: мол, нам рыбам надо больше о потомстве своем думать, а не по собраниям плавать. А он мне говорит: «Дура ты старая, да к тому же и толстая! У нас

свободные отношения теперь в моде!» Это он зря про «старая и толстая», душа у меня молодая, и образование мое выше будет. А потом, я ведь не только рыбой, я и птицей, и самим человеком могу, три языка знаю. Только он ничего не понял и обиженный удалился. Пускай плывет, я не сержусь, у каждого вида свои повадки.

Море бывает разным, меняет цвет, состояние и вкус у него бывает разным. Живут в нем 250 тысяч видов рыб и каждый год ученые открывают все новые виды. Все думают, что мы безмозглые, а мы сообразительны, как обезьяны. Рыбы лучше человека ориентируются в пространстве и прекрасно запоминают место, умеют пользоваться орудиями для охоты и способны к сотрудничеству. Как жаль, что человек уничтожил уже больше половины промысловых рыб. Если так дальше пойдет, от нас ничего не останется.

А между тем что-то менялось в окружении, рачки-отшельники закапывались в песок, мелкие рыбешки прятались в камнях и водорослях. Надвигался шторм. Опуститься поглубже нельзя, еще жабры до конца не оформились, лишь небольшие щели за ушами с трудом пропускали часть воды. Приходится держаться у поверхности, а там огромные волны идут одна за одной, кидаясь то вниз, то поднимаясь вверх, пытаюсь все бросить на камни, разбить на части. И меня, как сопливого юнгу, таскает и мотает суровое море, ставшее почти родным. Может быть, впервые в жизни я стремилась прочь от берега. Откуда ни возьмись, прозрачная плен-

ка целлофанового пакета закручивает меня, как готовый полуфабрикат. Сил больше нет, и меня, обезумевшую от ужаса, потерявшую сознание, выбрасывает на берег.

ЯЩЕРИЦА

Когда я пришла в себя, прямо у моего глаза копошился в грудке зеленых водорослей маленький рачок, прикидывая, как лучше распределить неожиданную добычу. Дышу, слабо открывая рот, впитывая запах соленого песка, гниющих останков обитателей моря. Я все еще живу, но надо искать укрытие, чтобы это ощущение еще продлилось. До воды далеко, не добраться, а здесь на берегу можно легко стать хорошим завтраком для вечно голодных птиц. А ведь и я совсем недавно с радостью присоединилась бы к такой трапезе. Как жаль, что у меня нет ног, лап, крючков, чтобы зацепиться за эту землю, спрятаться в камнях ото всех, кто видит во мне добычу и готов проглотить сразу, съесть по кусочкам, сварить, зажарить, закоптить. Я живая, мне больно и я не хочу умирать, не оставив о себе никакой памяти, я хочу, чтобы меня любили, пусть и такую толстую и старую, но меня, а не мое мясо.

Мои плавники стали оживать, упираться своими костяными иглами в песок, и, вот, мое тело слегка сдвинулось. Как важно не терять самообладания и способности к выживанию! Усилие за усилием и след на мокром песке увеличи-

вается и уже похож на путь. Понемногу возвращается способность дышать, чешуя превращается в более податливую кожу. Тело начинает изгибаться, напоминая морского угря. Так удастся добраться до ближайшего укрытия, очень вовремя, я вам скажу. Чайки и бакланы уже всю начали охоту, легкой добычи у них сегодня вдоволь.

Сколько дней пролежала я в забытьи, трудно сосчитать, однако, достаточно, чтобы смогли произойти значительные изменения. Со мной уже много происходило изменений, но все-таки трудно было сразу привыкнуть к своему новому виду. Мои глаза отметили, что вместо плавников появились четыре конечности с пятью (!) пальцами, а чешуя окончательно превратилась в кожу, во рту оказался длинный язык, который то и дело высовывался наружу. Именно он давал мне информацию об изменении температуры в округе. Со всем не лишним оказался и длинный хвост. Несомненно, я превратилась в ящерицу, скорее всего в крупного геккона. Недаром их называют цепколапами. Без труда, цепляясь за камни, поднимаюсь все выше в горы. Прощай море! Сколько прекрасных моментов удалось пережить в твоей стихии, богатой своими обитателями, а ведь я увидела и узнала лишь их тысячную долю. Ну, что же, роптать удел слабых, придется привыкать к новой для меня жизни, а полюбоваться морем можно и с высоты крымских гор. Теперь буду загорать на теплом древесном стволе, слушать пение птиц и наслаждаться жизнью! Кстати, о птицах, их, как раз, и надо опасаться

больше всего. Какой-нибудь балобан или сип может вполне мною закусить. Ну, что за жизнь! Или тебя едят, или ты кого-то ешь, нескончаемая жизненная цепочка. Слава богу, гекконы не так много едят, могут и по две недели обходиться без пищи. Охота на разных насекомых, мелких грызунов давно мне знакома, я уже, можно сказать, профи в этом деле, рацион все тот же.

Наблюдаю пару мелких (по сравнению со мной) геккончиков. Завидя своего избранника, она издает звук, дескать «эй, ты, догоняй!», и убегает от него, конечно, не очень быстро. Он ее догоняет, делает свое дело и гордо, с чувством исполненного долга, удаляется. Тоже мне, герой! Так в наблюдениях и размышлениях проходят мои дни. Впереди зима с ее холодными ветрами и бескормицей, нужно искать место для зимовки. Очень досаждали люди, которые были шумны, любопытны и невежественны. О нас знали мало, зато норовили схватить, потрогать и даже убить. Крымские гекконы занесены в Красную книгу, а кто из них об этом знает! Везде, где ступала нога человека, остался разрушительный след. Особенно это заметно здесь, в Крыму. Эту землю отдали туристам и отдыхающим, а нас, коренных жителей, потихоньку вытесняют. Только в заповеднике еще встретишь оленя, козулю или муфлона, но и они уже привыкли к шуму самолетов, гулу машин и музыке, которой нерадивые отдыхающие веселят себя.

Долгими зимними сутками в моем полусонном созна-

нии яркими картинками высвечивались эпизоды из прошлых жизней, и часто мелькало сожаление о совершенном мною безрассудном поступке. Мечты не всегда должны воплощаться, порой они губительны и заводят в тупик. Чтобы летать, совсем необязательно становиться птицей, и человеком не так уж плохо быть. Я скучала по рукам и ногам, с ними я могла бегать и плавать, по своим глазам и ушам, которые несмотря на их несовершенство, давали мне вполне точное представление о мире. А голос, говорящий, поющий, призывающий, как же мелодично он звучал! Хотелось взять в руки книгу, впитать в себя каждое слово, проникнуться его смыслом, восхититься и удивиться его силе и мощи. В слове было все: растения, птицы, рыбы, в нем были Солнце и Луна, небо и море, в нем была жизнь и смерть. Никакие приспособления животных не сравнятся со Словом!

Но все эти размышления приходили ко мне только во сне и, пробуждаясь, я снова становилась соответствующей своему виду. Цепочка продолжилась, круг замкнулся. Способность к деторождению затухла, а значит, и жизнь стала терять свой смысл. Кожа стала обновляться медленнее, зрение ослабло, двигаться так быстро, как в молодости уже было тяжело, да и не хотелось. Насекомых и грызунов вполне хватало для насыщения, но главная опасность приняла все более ощутимую реальность. Чувство страха за свою жизнь усиливалось, а способность к самосохранению уменьшалась, ослабевала. Мои цепкие лапки уже не могли удержать ме-

ня на крутых каменистых склонах, лежать на освещенных солнцем выступах было приятнее и легче. А враг был рядом, он был хитер и силен. Огромный желтобрюхий полоз подкарауливал свою жертву, сливаясь с окружающей средой. Бросок, удар по голове, и мое обмякшее тело начинают сжимать тугие змеиные кольца. И в тот момент, когда, казалось, все предрешено, конец неминуем, тяжелый белоголовый сип камнем с неба падает на свою добычу. Он хватает змею железными когтями и поднимается высоко над землей, чтобы сбросить ее на камни и облегчить расправу. Зацепившись лапами за скользкую лишь на вид, но пластинчатую полозью шкуру, поднимаюсь в небо и я. Последняя мысль мелькает в сознании: «Опять летаю!»

КОШКА

Нет смысла цепляться за жизнь, и, если смерть неизбежна, пусть последним в моей жизни будет полет. Я падаю и успеваю рассмотреть, ставшие родными, горы, будто сшитые из разноцветных лоскутков, крымские сосны, запах которых, кажется, чувствуется даже на такой высоте и кусочек моря удивительного бирюзового цвета с набегающими гребешками волн. Как прекрасна эта земля, и, ох, как не хочется покидать ее навсегда! И цепкость, которая мне была дана, приобрела вдруг сверхъестественную силу, собралась в единый центр, стала подобна стальной пружине. Я не просто упала,

я приземлилась на все четыре лапы, нисколько не повредив своего тела. Кожа ошетибилась, и хвост, и спина выгнулись вверх, из горла вырвался звук, подобный рыку. Не испуг уже, а злость наполняли мое существо. Царапаться, рвать зубами теплую, живую плоть, наслаждаться вкусом крови во рту – вот, что хотелось мне сделать в этот миг. Хватит с меня жучков и червячков, хватит быть жертвой, пора и самой отрастить клыки и когти! С невиданной прыткостью и ловкостью карабкалась я по стволам деревьев. Мои уши, как антенны, чутко улавливали малейший шорох, а мои ноздри шумно вдыхали нагретый воздух, наполненный запахами дуба, можжевельника, кизила, ароматом дикого шафрана, но особенно остро рецепторы выделяли присутствие других животных. Мягко ступая по траве, я обходила один участок за другим. Я чувствовала себя победительницей, всесильной и всемогущей. Наверное, так чувствует себя человек, которому вдруг свалилось невиданное богатство. Он оглядывает свои владения и никак не может осознать, что все это теперь принадлежит ему. Теперь это богатство надо охранять, беречь от всяческих посягательств, а охотников на чужое добро, ох, как много найдется! Его надо не только сохранять, но по возможности приумножать, приложить все силы, а иной раз и жизнь отдать, чтобы добавить, прирезать, присовокупить, оттяпать еще хоть немного. Здесь много корма, но истреблять много не следует, нужно, чтобы запасы самовоспроизводились, ведь охотиться на чужой территории никто не даст.

Сна почти не стало, легкая дневная дрема не давала полноценного отдыха. Зрение, слух, обоняние работали на всю мощь. Постепенно я стала покрываться шерстью, которая принимала серо-бурую со светлыми полосками окраску. Были дни, когда не удавалось поймать добычу и с отвращением приходилось жевать жестких насекомых, пряную сухую траву и засыпать с урчанием в пустом желудке. В короткие часы отдыха, притаившись в зарослях деревьев, поглядывала я сквозь ресницы на листья, движимые легким ветерком, на проплывающие облака в небе такого голубого цвета, который бывает только в горах. Трещали цикады, горные трясогузки и овсянки перелетали с ветки на ветку, где-то в чаще шуршали серые куропатки. Сквозь набегающую дрему всплывали в памяти огромные рыбы, которые смотрели на меня своими круглыми глазами и безмолвно шевелили губами. Над головой, казалось, били распростертыми крыльями птицы с изогнутыми клювами. Я вздрагивала, открывала глаза, прислушиваясь и вглядываясь в просветы между листьями. Видения исчезали, снова царил покой, и мысли продолжали лениво перетекать из одного сосуда в другой.

Летом было привольно, еды вдоволь, солнце грело, не переставая, но с наступлением холодов все изменилось. Многие птицы улетали, нет больше кротких кекликов, редки и пестрые фазаны, грызуны попрятались в норы. Зато стало немного спокойнее, прошел сезон отдыхающих, среди которых находились любители карабкаться по скалам. Правда,

весна и осень самое подходящее время для пеших туристов. Их небольшие группы прокладывали свои маршруты через горные речки и перевалы, не шумели, не сорили, больше снимали красивые виды окрестностей. Особенно неповторимой и яркой была в горах осень, богатая своим разнообразием и насыщенностью цвета. А потом наступало время бесконечных холодных ветров, от которых леденели все внутренности, и не спасала даже теплая густая шерсть. Смерть ходила по пятам и от голода, и от опасности стать заметной добычей для остроглазых стервятников.

В один из дней стало совсем худо, силы покидали меня, а мое замерзающее тело уже не реагировало на призывы жизни. Такой меня нашел местный егерь. Он увидел меня, скатившуюся по склону, прямо на узкой тропе сумрачного даже зимой леса. Мое еще теплое и безвольное тело со слипшейся мокрой шерстью, с израненными грязными лапами представляло собой жалкое зрелище. Не шипение, а слабый хрип только и услышал, склонившийся надо мною человек. Положил меня в большую сумку, перекинул за спину и понес домой. Полумертвую, отогрел меня, напоил молоком, разболтав в нем сырое яйцо, и жизнь потихоньку стала возвращаться ко мне. В домике было тепло, потрескивали в печи дрова, вкусный и незнакомый запах долетал до моего носа из кухни.

Ему было за пятьдесят, лицо обветренное и смуглое, на голове и в черной небольшой бороде блестела седина. Был он немногословен, да и с кем ему здесь разговаривать, в этой

оторванной от цивилизации, будь она неладна, глуши. Каждый день, когда позволяла погода, он выходил из дома, возвращался всегда засветло, готовил еду, а потом что-то писал, слушал радио, долго сидел перед экраном черной коробки. Глаза его становились то внимательными, серьезными, то веселыми. Первое время он пытался наладить со мной доверительные отношения, но потом решил оставить меня в покое. Я шипела и ершилась, но от еды не отказывалась и с жадностью поела половину егерского обеда. У него были сильные уверенные руки и, как оказалось, красивые глаза, подобно черным глазам лесной ласки. В них искрилась добрая смешинка, они как-бы говорили: «Ну-ну, посмотрим кто кого!» А однажды, разомлев после горячего вечернего чая, он похлопал по кровати возле себя, как-бы приглашая присесть рядом. Я сделала вид, что не заметила. Тогда жест повторился. Медленно я подошла к нему и одним движением прыгнула на указанное место. Его теплая рука опустилась мне на голову и стала поглаживать мою блестящую и пушистую шерсть. От удовольствия глаза замуривались, мягкое урчание волной пробежало по всему телу. Я прижималась к его ноге, и счастье, доселе неведомое мне, заполняло все мое существо. Мы так и заснули, почти обнявшись, чувствуя тепло друг друга, и каждый видел свои сны.

Понемногу силы возвращались ко мне, раны затянулись, я даже заметно потолстела. Я тоже уходила в горы, прогулки мои все удлинялись, обходя новые места, я отмечала при-

сутствие других зверей, а в одну из таких прогулок увидела вышедшую на открытое место кошку в трехстах метрах от меня. Это был крупный самец, который вполне дружелюбно отнесся к моему присутствию. Я, и правда, выглядела молодо и вполне еще привлекательно. Обнюхались, познакомились, и он сделал мне предложение поохотиться вместе. Ну, какая охота, когда еще не сошел снег, но отказываться неудобно. Почти весь день пролазили мы по зарослям, но безуспешно, дичь успевала спрятаться под самым нашим носом. Азарт охоты, присутствие молодого сильного самца разгорячили кровь, и я почти забыла про своего егеря. Но намаившись, захотелось в тепло, к миске горячей еды, к теплым ласковым рукам человека. В доме меня ждали, и это порадовало больше, чем порция жирного ужина. Он гладил, брал к себе на колени, говорил ласковые слова, и сердце мое таяло от любви и переполнявшей нежности.

Близилась весна. Я по-прежнему уходила и возвращалась, хотя еда меня уже не интересовала, ее хватало на воле, тем более, что совместная охота оказалась намного успешнее. Часто поздними вечерами я сидела подле своего егеря, который часто рассматривал картинки на своем экране. Новости, спортивные передачи, научные теории и мудрые высказывания – все это представлялось мне ненужным и бесполезным занятием. «Какой смысл, – думалось мне, – слушать, что где-то плохо, не так, как должно быть, если ты не можешь это исправить. Или читать чужие мысли, если они не делают те-

бя другим». Вот, пошел бы с нами на охоту, я бы научила его языку зверей, рассказала бы, как живут горная лисица или белка-телеутка, как удобнее забираться на отвесные склоны, как прятаться под дождем и палящим солнцем. Он смотрел на фотографии женщин, которые писали ему короткие сообщения, а я злилась и недоумевала: ну, зачем ему еще кто-то, когда есть я!

Однажды он уехал на несколько дней, двери его жилища были закрыты, стены остыли, и свет не горел. Каждый день я навещала домику, но хозяин все не появлялся. Мой новый друг все настойчивее приглашал меня остаться в его владениях, совместно охотиться, играть и резвиться на полянах с молодой зеленеющей травой. Цветение и щебет наполняли воздух, солнце грело землю, поднимались тысячи запахов, от которых раздувались ноздри, бурлила кровь, и вновь хотелось рычать и царапать землю когтями. И тут странное чувство стало накатывать, как душное покрывало. Это была тоска! Я металась и рычала, пускалась бежать и останавливалась, кружа на месте. У дома егеря выискивала свежие следы и, когда вспоминала его запах, в глазах темнело. Обессиленная, вновь возвращалась на солнечные поляны к своему другу. А он не мог понять смены моего настроения, он был уверен в своей неотразимости. С какой ловкостью он ловил добычу и тащил ее к моим ногам! На время я забывала и о егере, и обо всех своих тяжелых испытаниях, выпавших на мою долю.

Весна брала свое, пробуждая даже в сухих огрызках старых пней жизнь, все сбрасывало старые покровы, играло всеми расцветками перьев, кожи и шерсти, все спаривалось. Это был нескончаемый процесс продолжения жизни, в котором не было страдания и боли, лишь страсть и ликование. Меня все с большей силой влекло к месту, где жил ОН. Как-то ближе к вечеру, когда жизнь вокруг поутихла и замедлила свой бег, только ночные охотники готовились выйти на промысел, я учуяла родной запах. Он донесся издалека, но был свежий, стойкий, с примесью городских наслоений бензина, асфальта и пластика, и был он не один. Подобравшись ближе, я прыгнула на дерево и заглянула в маленькое светящееся окошко. За столом сидели двое, мой любимый и женщина. Прижимаясь к ветвям, я долго и внимательно рассматривала ее. Конечно, она была человеком с руками и ногами, длинной светлой шерстью на голове, но разве это значит, что она лучше. Разве она умеет любить так же преданно и нежно, как я? Для нее эта жизнь в горах лишь экзотика, приключение, разве выдержит она тяжелые переходы по скалистым спускам и подъемам, жизнь без ванны, стиральной машины и газовой плиты. Больше всего мучительно было видеть его улыбающееся лицо, слышать его многословную, красочную речь, его заразительный смех. «Прямо баклан какой-то! – с досадой подумала я. Свет в доме погас и страшные картины рисовало мне воображение, как лежат они на кровати, обнявшись и прижимаясь друг к другу.

Тяжела была эта ночь. Пробовала поохотиться, но добыча ускользала из моих лап. Ночные звуки раздавались с такой силой, сливаясь в один сплошной гул, будто бушующее море, что я почти оглохла. Запахи смешивались и вызывали отвращение, хотелось забиться, спрятаться в нору, ничего не видеть и не слышать. Утром они вышли вдвоем вполне довольные, он о чем-то рассказывал, она слушала с легкой снисходительной улыбкой. Шерсть на голове убрала под легкую шапочку, брюки, как у него, подчеркивали стройные ноги, и вся она сейчас походила на совсем еще юную самку. Ходить за ними целый день, прячась в кустарниках среди камней, не было сил. Хотелось прыгнуть на нее сзади, царапать ее белое голое лицо, слышать крики ужаса, чувствовать запах крови своего врага и видеть, как жизнь уходит из ее слабого тела. Но рядом был он, и я не посмела, я ушла.

Много дней скиталась я по отдаленным местам, избегая встречи со своими сородичами и особенно с людьми. Они вызывали у меня приступы бессильной злобы, шерсть моя дыбилась, из горла вырывалось шипение. Я совсем забыла про своего нового друга, но нечто вроде сострадания шевельнулось в моей душе. Этот зверь был очень даже неплох, внимателен ко мне и очень старался сделать мою жизнь сытой и беззаботной. Дня через два я, наконец, попала на наше с ним плато. Трава под солнцем стала желтеть, деревья отрасли густые лохматые кроны. На мой призыв молодой друг вышел из зарослей вместе со светло-желтой самкой. Он

посмотрел в мою сторону и сделал предупредительный жест. Я ушла прочь, переживая смешанные чувства задетого самолюбия, зависти и в то же время облегчения. Ну, что ж, так и должно было случиться, жизнь продолжалась, и никто не будет страдать из-за неудавшейся попытки, время не ждет.

Ноги сами понесли меня к знакомому дому и, чем ближе я к нему подбегала, тем сильнее колотилось мое сердце. Несколько раз я обошла жилище, но с первого взгляда было понятно, что в доме никого нет. Следы были свежие, он был здесь сегодня, может быть, утром, и был один. Значит нет больше этой ненавистной самки с красными ноготками, с ее ужимками и ненужными безделушками, которые напрочь отбивают свой собственный запах. Расположилась напротив и принялась приводить себя в порядок. За время скитаний совсем запустила себя, шерсть свалялась, развелось паразитов и, вообще, подурнела, пропал былой лоск и шелковистость.

Почувствовала вдруг небывалый голод и для начала решила подкрепиться. Однако дело это оказалось совсем не простым, сил поубавилось, мышцы стали вялыми и лишь к вечеру удалось поймать пару грызунов и доесть то, что осталось от разоренного гнезда пищи.

Начинало темнеть, когда на тропе послышались знакомые шаги. Человек шел тяжело, будто нес большую ношу. Сначала он вовсе не заметил меня и лишь, когда я бросилась к его ногам, удивленно и радостно вскрикнул. То, что радост-

но, я почувствовала сразу по тому, как сверкнули его глаза, как оживился голос, как быстро протянулись его руки ко мне. «Бедная моя, как же давно я тебя не видел, как ты исхудала!» – и эти слова придали мне сил. Мы ели одновременно, не упуская друг друга из вида, а потом, когда усталость одолела нас обоих, вновь заснули на кровати вдвоем, почти обнявшись, и каждый видел один и тот же сон. Еще много дней предстояло нам провести вместе, ему, залечивая сердечные раны и боль, и мне через мою любовь становиться хоть немного похожей на человека. Оказалось, что стать птицей или кошкой легче, чем стать человеком, нужны миллионы лет эволюции, чтобы не только тело стало совершенным, но и отросла, появилась душа.